

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

И в сотый раз
я поднимусь



Блестящие отзывы Льва Аннинского

Книги переведены на японский язык

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Галина Марковна Артемьева

И в сотый раз я поднимусь

Серия «Лабиринты души», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898385

И в сотый раз я поднимусь: роман : Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50219-6

Аннотация

У судьбы две руки – дающая и отнимающая. Саша с детства знала, что за все хорошее приходится платить, но иногда цена оказывалась так высока, что едва хватало сил, чтобы сжать зубы и идти дальше. Разочарование в любви, предательство – все то, что казалось ей некогда концом жизни, стало лишь проверкой на прочность, закалившей девушку. И теперь, когда на горизонте маячит счастье, Саша уже ищет в себе силы для новых испытаний. Она готова подниматься вновь и вновь – и в первый раз, и в десятый, и в сотый...

Содержание

На тот большак, на перекресток...	4
График	25
Хармс как предчувствие	28
«Как только в раннем детстве спят...»	31
1. Ничья	31
2. «Половинка»	35
3. Последним лучше	38
4. Тайны собственной жизни	42
5. Педагогическая находка	44
6. Стой до конца!	52
Тысяча швейцарских франков	54
1. Вот как довелось повстречаться!	54
2. Незнакомец	65
3. Другой сюжет	71
4. Едва различимые тени любви	76
5. Прощай, Гораций!	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Галина Артемьева

И в сотый раз я поднимусь

Роман

*Ольге, Захару, Павлу Артемьевым.
С неизбывной любовью и уважением*

*И червь шипел в могильной яме,
И птицы пели мне с ветвей:
– Не щутит небо с сыновьями,
Оберегайте сыновей!*

*И даже через хлопья пены
Неутихающих морей
О том же пели мне сирены:
– Берегайте дочерей!*

Леонид Мартынов, Дедал

На тот большак, на перекресток...

Прилетаешь в родной дом, жизнь сразу смыслом наполняется. Самоощущение сильно меняется в Москве. Ускоряются мысли и реакции. Вот в Берлине, например, идет Саша в магазин. Просто – встала и пошла. Ну – туфли, пальто, сумка, дверь. И по ступенькам мраморным вниз. Иди – думай

думу свою. В Москве все не так просто. Тут надо действовать пошагово. Надо все время делать мгновенный выбор, принимать быстрые, порой неординарные решения. Из двух зол при чем. Говорят, надо меньшее выбрать. А ты попробуй за доли секунды взвесь, какое меньшее. Сейчас надо совершить простое действие: выйти на улицу, чтобы оплатить Интернет. На родине это не входит в телефонную плату, как на чужбине. Тут надо быть начеку и вовремя спохватиться. И найти номер и пароль, потому что без них плату не примут. Ничего, пункт оплаты зато в соседнем доме, можно по-быстрому: туда и обратно. Жаль – зима и мороз. А то бы выбежала в чем есть. На пару минут всего!

«Выбежала!» Саша улыбается самой себе в зеркало, обматывая шею шарфом. «Выбежала! Забуди!»

Она открывает одну железную дверь, смотрит в глазок на лестницу. Вроде – никого. Вроде-то вроде, но вот только что по телевизору в новостях... Ворвались, когда хозяйка дверь открывала, чтоб на работу уходить. Поджидали, видно. И не важно, что Сашин дом в самом центре, в посольском районе, не важно, что домофон. Кому надо – войдут.

Саша открывает дверь, громко и очень, по ее мнению, естественно крича в сторону пустого пространства квартиры: «Мужчины! Ау! Я пошла! Рекса выгуливать не надо! Только покормите! Я там сырую говядину для него оставила! Два кило на подоконнике! Скоро вернусь! За супом на плите следите! Не скучайте!» Текст этот наработан годами, только

имя собаки выкрикивается, какое в голову придет, главное, чтоб внушительное имя было. Куся, Муся, Маса – не годятся никоим образом. Надо, чтоб размер чувствовался. И грозная мощь. Настолько грозная, что не лает за дверью, а, затаившись, ждет. Хорошее имя Байкал, Амур, Крас. Рекс вот сейчас подвернулся – ничего, сгодится.

Обошлось!

Теперь надо по-быстрому принять решение, как спуститься вниз с четвертого этажа. На лифте или пешком. Наступает это самое «из двух зол». С одной стороны, пешком даже скорее и проще, лифта не ждешь, сбегашь себе бодренько, хоть через три ступеньки прыгай, как в школьные годы: «Ля-ля! Ля-ля!» Правда, тут существуют свои «но». Каждый раз разные, наверное, чтоб мозг тренировался на мгновенность реакций. Если исходить из абсолютно истинного и веками подтвержденного утверждения насчет того, что все к лучшему, что бы ни делал Бог.

Сегодня, например, включаются звуковые предупреждения, а бывает, обоняние кое-что подсказывает. Снизу раздастся целая гамма звуков, чем-то отдаленно напоминающих грузинское полифоническое пение горцев. Только чувствуется, что певцы пели долго, возможно, не одну неделю пели и пили. И немножко выдохлись. Охрипли немножко. И теперь один пищит тонко, а другой взрывается мощным храпом, чтоб поддержать первого. И значит это, что в подъезд пробрался бомж. И спит у батареи. Хорошо, если один. У

них поодиночке энергетика не такая, как у нескольких. А если два или три! Могут, лежа, схватить за ногу, например. Или, опять же, ограбить. Но даже если он один и просто спит-греется... Ее долг, как живущей в доме, его немедленно прогнать. В этом есть свой резон. После ночлега бездомного человека в любом подъезде остается лужа и кучка. Размякнув во время сна в тепле, человек не хочет справлять нужду на морозе. И вот результат. Значит – надо гнать. И он, если один, уйдет. Встанет и пойдет, даже в глаза не заглянет укоризненно. Просто побредет себе на мороз, как не имеющий прав на тепло этого дома. А вот этого себе простить не получится. Значит, надо не видеть, не слышать, не нюхать. Значит, лифт. К тому же этажом ниже слышится голос неугомонной и вездесущей Элизабет. Опять, что ли, деньги собирает? Вот на кого бы глаза не глядели!

Год назад объявилась.

– Ми сапираем тениги на хемонт подьесда. Мое имя Элис-бес. Ви будете платить?

Грамотно так сказала. С небольшим британским акцентом. Интонация надменная. Имидж соответствует выговору. Кожаные мокасины, юбочка суконная просторная, свитерок кашемировый, все натуральное, неброское. Вересковые поля. Характер в стиле гимна «Правь, Британия, морями». Настойчивая, убежденная. Принципы сформированы раз и навсегда девять столетий назад.

– Мы каждый год собирали деньги на ремонт подъезда. А

не должны. ЖЭК должен. Мы – нет, – пыталась втолковать Саша свою гражданскую позицию. Говорила она, как ей казалось, очень внятно и лаконично. Но Элизабет все равно не поняла и переспросила, слегка приподняв по-птичьи голову:

– Джек? Почему Джек должен?

– Ладно, пусть не ЖЭК – РЭУ, ДЭЗ, как там теперь называется. – Саша спешила, гостей ждала, и разговор какой-то абсурдный... Почему-то это воплощение миссис Марпл в молодости должно лезть в их дела с домоуправлением, откуда она взялась вообще?

– Ми хотим делать хемонт. Ви будете платить? – не сдавалась Элизабет.

– Вы сколько в этом доме живете? И вообще – в Москве? – задала Саша резонный вопрос. Английское упрямство обязательно раскрошится твердыней загадочной русской воли. Это лишь вопрос времени.

– Ми хотим делать хемонт, – повторила Элизабет.

Все-таки не очень большой у нее словарный запас, поняла Саша. Твердит одно и то же. Было неприятно, что в их дела, можно сказать, в их изнурительную борьбу с домоуправленческими гадами лезет иностранка. Не понимает, а лезет. И уверена так в себе. Вот, мол, русские дикари, учитеесь жить, я наведу у вас порядок. Сделаю вам «хемонт». Увидите, как подобает жить в цивилизованном обществе. Саша тут же устыдилась своей досады, поэтому сказала, что заплатит. Но только тогда, когда заплатят все остальные. Только после

всех. Она-то знала, что этого не будет никогда. Она это сказала так, как если бы своему соплеменнику пообещала бы деньги «когда рак свистнет».

Элизабет достала аккуратную тетрадочку с маленькой ручкой и записала напротив номера Сашиной квартиры. «She will pay».

От этих английских слов Саша внутри прямо зашлась. Обступили! Повсюду – или эта англо-американская гнусавость, или тындыр-мындыр братьев наших молочных, вскормленных советской властью и брошенных на произвол судьбы во время гонок на выживание. Обложили со всех сторон и учат, учат, недовольны всегда нами. А мы терпим. Все сносим. И с востока и с запада.

– Вы не так написали, как я сказала. Вы написали «она будет платить». И все. А я поставила условие, – очень жестко отчеканила Саша.

Элизабет чуть-чуть, едва заметно дрогнула. Не ожидала от дикой русской, что та поймет.

– Я буду помнить, – пообещала она, закрыла свою книжечку и быстро-быстро пошла по ступенькам вверх.

Не бежать же за ней!

А надо было бежать. И заставлять писать так, как сказала она, Саша. И не было бы теперь этой гнуснятины, этих новых выяснений отношений.

В итоге Элизабет со своим русским мужем-режиссером, ненавидящим все русское так, как способны ненавидеть

только эмигранты-семидесятники, то есть мелочно и (по большому счету) беспричинно, сделали по-быстрому ремонт на первом этаже за свой счет. Стены выкрасили в розовый цвет (в сталинском доме эпохи «дворцового социализма»!), повесили новые почтовые ящики и зеркало. Цвет был неприличным, как старушечье исподнее. И Саше он бил в глаза немым укором, что, мол, с ее безмолвного попустительства еще и это унижение со стороны чужаков. Платить, конечно, отказались почти все. Так и сказали: «Нет». Без рассуждений про ЖЭК и РЭУ. И честная Элизабет в своей книжечке напротив таких квартир поставила минус. Сумму же, затраченную на ремонт, она безмятежно разделила поровну на тех, кто сказал, что заплатит. В том числе и на Сашу. И доля оказалась возмутительной. К тому же Саша заявляла совсем обратное! Разговор был. И Элизабет сказала, что будет помнить. А теперь требовала деньги. Показывала запись в книжечке. И отмечала, что все, у кого такая запись, как у Саши, свою долю внесли. Проверить это было невозможно. Саше делалось стыдно и противно. Она говорила тогда о розовом цвете, что подъезд испохабили, сделали из приличного подъезда вход в бордель, что надо чувствовать эпоху, дух дома, а не распоряжаться по-своему в дорогом для других месте. Элизабет спокойно слушала и просила отдать деньги. Хорошо еще, что Саша бывала в Москве наездами, иначе вообще с ума можно было бы сойти и от обилия розового, и от несправедливости, и от акцента Элизабет, становящегося,

впрочем, раз от разу все менее заметным. Или уже ухо приспособилось?

Элизабет уже закончила что-то выяснять на нижнем этаже. Сейчас пойдет наверх легкой своей девичьей походкой. Ричмонд-парк нашла себе здесь! Саша быстренько вызвала лифт и глянула в лестничный пролет: так и есть – близится. Запустить бы в нее голубем бумажным с надписью многозначительной. Типа – янки, гоу хоум! Она не янки, но ведь прародительница их!

Тут за металлической лифтовой дверью раздались характерные звуки, что-то будто раскачивалось, решалось на дальнейшие действия, определялось в выборе. Тоже – немецкий хваленый лифт! Престижной марки. Два года как заменили родные старые, с сетками, решетками, застекленными деревянными дверями и зыбкими полами. В этотходишь, как в газовую камеру. «Херцлих вилькоммен! Добро пожаловать!» Надежно, как в сейфе. Немецкий лифт в неродной обстановке быстро опустился, обрусел. Стал задумываться перед тем, как открыть двери. Конечно, кому охота быть сортиром на стальных тросах! Или чтоб в тебя пинали ногами забавы ради, или поджигали что-то быстровоспламеняющееся и вонючее! Словом, проблемы возникли. У неодушевленных предметов, состоящих в контакте с одушевленными, тоже появляется некое подобие души и нервной системы. А душам положено болеть и временами пребывать в смятении. Не далее как прошлым знойным летом Саша оказалась на-

глухо закрытой в лифте на первом этаже. Вошла в подъезд, удушенная выхлопными газами Садового кольца, и хотела поскорее домой, под кондиционеры. Несчастный немец долго не закрывался и покряхтывал. Намекал, видно, как потом догадалась Саша. Но где ей было понять, когда все мысли о себе и своем комфорте! Стальные двери дрогнули, дернулись и медленно, медленно, оставляя пассажирке право выбора до последней секунды, стали задвигаться. И – ни туда, ни сюда. Хорошо, свет не погас, иначе вообще – как пережить... Сначала даже было забавно. Пришлось опять же варианты прокручивать, что предпринять в первую очередь. Закричать «Помогите!»? Застучать по двери ногами? Или диспетчера попробовать вызвать? К лифту снаружи как раз подошли. Повозились у двери. «Вызывают, видно», – догадалась Саша. «Помогите, пожалуйста! Я в лифте застряла!» – бодро позвала она соседей на выручку. Снаружи помолчали. Потом донеслось: «Опять лифт не работает! Ладно, пошли пешком!» И все! И все, представляете? Людей, что ли, тут у нас не осталось? Кого это она сейчас просила помочь? Они ее не слышали! Она их – да, они ее – нет! Новые жильцы престижного дома. За невероятные деньги квартиры приобрели. Где же раньше-то жили, что не умеют ни поздороваться, ни дверь придержать, ни улыбнуться соседу? Или вот – как сейчас... Или мусорное ведро просто выкинуть в лифт... А самим гордо сесть в «Лендровер» и стартануть, возвышаясь над всеми!

Нельзя удивляться! Нельзя удивляться! Жизнь – лес. Что-то нравится – восхищайся. Что-то пугает? Проходи мимо. Или прислушайся, соблюдая осторожность. Но «караул!» не кричи – некому отозваться, даже эхо в лесу не живет.

Саша нажала на кнопку вызова диспетчера. Пошел звуковой фон, потрескивание. «Вы меня слышите?» – принялась вызывать Саша. Никто не отзывался, но вольный дух эфира обозначал свое присутствие хриловатым дыханием. Пока еще было смешно. Саша принялась петь: «Поможитя, люди добрыя! Сами мы-ы не-е местны-е! В лифте за-мурова-ны! Он стоит, не движет-ся!»

«Че дурью маеся? – ожил вдруг эфирный дух. – Выдь с лифта, эт те не игрушка, кнопки жать!»

«Я застряла в лифте! – объявила Саша тоном профессора риторики. – Я не могу выйти».

«А че тада орешь?» – не поверила ожившая кнопка «Диспетчер».

«А мне че – молча помирать? Такая теперь поправка к конституции – помирать молча в лифтах, если застрянешь?» – озлобилась Саша, переходя на доступные для собеседницы интонации – склочно-скандальные.

Та поняла и отреагировала уже по-деловому: «Адрес называйте! Членораздельно только!»

Саша старалась как можно членораздельнее произнести адрес, чувствуя, что начинает задыхаться – засиделась в камере-то своей.

«Бригада будет», – пообещала дежурная, все записав под диктовку. И отключилась.

Глухо, как в танке, – теперь Саша поняла, что это такое. Это – очень глухо. Можно ли надеяться на тетку из железной коробочки? И если нет, что делать тогда? Мобильный в лифте не ловил. Все одно к одному. Она сделала то, за что презирала других: ударила со всей силы ногой по двери. Обутой ногой! По незащитной двери, не раз, очевидно, битой непонятно за что. Дверь немножко потряслась и по-железному простонала. Это все, что она могла. Саша опять вызвала диспетчера.

«Я задыхаюсь!» – пожаловалась она.

«Слышу, не поешь больше! – подтвердила трудящаяся женщина. – Бригада выехала».

«А скоро будут?»

«Едут издалека», – реалистично заметила тетка.

«Я даже «Скорую» себе вызвать не могу! Телефон не ловит!» – в отчаянии крикнула Саша.

«А ты перестань психовать! – велело радио. – Че те «Скорая»? За закрытой дверью? Они не откроют! За ложный вызов будешь платить!»

«А если я помру, кто будет платить?» – возрыдала Саша.

Но камера ее вновь безмолвствовала. Тогда она стала думать о другой помощи. Муж. Отпадает. За границей. Прилетит только на похороны, если что. Сын. В самолете. Возвращается с гастролей. Будет в столице нашей родины поздно

вечером. Другой сын. И дочь. Им надо дозваниваться любой ценой. Только они немедленно откликнутся на призыв о помощи. Саша вновь достала телефон и принялась водить им вдоль стен кабинки, как миноискателем, подняла руку к потолку, повертелась. На дисплее возникли долгожданные буковки. Теперь надо было извернуться, набрать нужный номер и воззвать о помощи.

«Мамуль! – услышала она родной дочкин голос. – Что у тебя с телефоном? Не могу дозвониться уже минут сорок!»

«Я в лифте застряла! В нашем! На первом этаже! Спаси – задыхаюсь!» – запричитала Саша, чтоб успеть донести всю суть бедственного положения. «Я еду, мамочка!» – запищала трубка.

Дочь примчалась в мгновение ока. «Топ-топ-топ», – зазвучали торопливые шаги, Саша сразу поняла чьи.

– Мамуля! Ты здесь?

– Да, детка!

Дочка нанесла лифту единственный, но страшный удар. Своей прекрасной стройной ногой. Дверь немедленно открылась, мягко, беззвучно. А аварийка, кстати, так и не приехала. И после этого случая Саша предпочитала бег по лестнице. За некоторыми исключениями. Иногда приходилось рисковать. Как сегодня, когда на одной чаше весов были бомжи и Элизабет, а на другой – гипотетическая возможность застрять в железной коробке. Пришлось выбрать второе.

Интересно устроен человеческий мозг. Рассказывать про все мгновенно проносящиеся мысли и решения – долго. И слов так много нужно! А на самом деле, если без рассказов, то с момента, как Саша посмотрела в дверной глазок, решая, выходить ей наружу или переждать, до того, как она вошла в лифт, и минуты не прошло!

Перед дверью подъезда, ведущей на улицу, Саша задержалась и прислушалась. Невнятное мужское бормотание особой тревоги не внушало. Дворники скорее всего. Так и есть. Кучка смуглых пришельцев. Сидят на корточках, курят что-то вонючее, траву, видно, свою, с родины-матери завезенную. Дресс-код так и кричит: киргизы-дворники. Оранжевые накидки, на ногах гордые кроссовки. Они тут первым делом кроссовками на рынке обзаводятся. Думают, быть может, что так вернее сойдут за москвичей. Им не важно, что москвич никогда не будет часами на корточках в своем дворе сидеть. Просто не сможет, не так ноги растут, традиции другие. И говорят москвичи все еще по-русски (пока). Но им эти детали не приходят в голову. Главное – внешне быть москвичом. В кроссовках вот... «Тыр-тыр-тыр-мын-дыр-дыр...»

Один дворник повернулся к выходящей из подъезда Саше. Как они не падают со своих корточек, интересно? Вон рядом скамейки. Вполне могли бы там сесть. Дворник совсем сузил глаза, вглядываясь.

– Эй! Ты!

Неужели это к ней относится? Саша понимает, что пора

забыть о Европе, политкорректности, толерантности и обо всем, что на домашней почве добрую службу не сослужит. Она внутренне собирается. Ждет продолжения.

– Эй! Ты! Говорят! – повторяет дворник довольно грозно, видимо практикуясь в чужом языке. – Это твой тут машин стоял?

Другие дворники внимательно слушают начало диалога, как слабоумные шевеля губами вслед за коллегой-смельчаком.

– Ты, тварь, к кому обращаешься? – низким голосом своей матери-казачки выбрасывает из себя ядовитые слова Саша, ответно сужая глаза в сторону наглого чужака. – А ну, встань! Ты от нас деньги получаешь! Мы платим за дворников здесь! Ты русский выучи! Ты мне «эй!» еще раз скажешь, я тебя уничтожу, понял? А ну, встали все, пошли вон отсюда, работать!!!

Все поняли! Встали, как по мановению волшебной палочки! И – ни тени обиды! Покорность во всем облике! Проверяют... Границу нашей прочности проверяют, догадывается Саша. Не планируют, а так, на интуитивном уровне почву прощупывают.

Сердце стучит как бешеное. Продолжительность жизни у нас, видите ли, маленькая! Странно как, да? Дышим газами, как на полях Первой мировой. Хамство со всех сторон. Опасность на каждом шагу подстерегает, негде душе успокоиться. И неправда, что кому-то нужна эта продолжительная

жизнь. Вот дворники эти — они кому-то нужны...

Саша не успевает додумать, кому, в каких недоступных небесных структурах власти нужны киргизские дворники, да еще в таких невероятных количествах, по десятку на небольшой московский двор. Надо переключаться на глыбины льда под ногами. Оттепель была, а теперь подморозило. Хоть бы присыпали чем... Ладно, ну их. Теперь скорее оплатить и домой. Ближний пункт оплату почему-то сегодня не принимает, технические причины у них. Приходится идти на Новый Арбат. Тут хоть широко, светло, безопасно. Думать можно о своем, пока идешь.

Саша думает, что зря так сорвалась на дворников. Они на «ты» обращаются не из желания обидеть, кто их знает, может, у них в языке нет вежливой формы обращения. Лучше уж так думать. И на Элизабет зря злится из-за ее чужеземной настырности. Может, немцы в Берлине тоже так вот страдают, там на Ку-Дамме или в Митте вообще немецкую речь не услышишь. Или русские, или турки. Итальянцы еще на шопинг прилетают. А немцы всегда спокойно, без нервов. Приспособились. Хотя... и там всякое бывает. А итальянцы злятся, и еще как! Прямо кричат на румын: «Нам цыгане тут не нужны!» И албанцам велят к себе убираться. Саша сама слышала, как один миланец орал на чернокожего: «Это тебе Могاديшо, ублюдок!» Все всех достали. Только в своем доме и спасение. А от чужих надо просто отгородиться мысленно, будто и нет их рядом. Не видеть, не слышать, не за-

мечать.

Укрепившись духом на свежем воздухе, Саша быстро возвращается домой, настроенная творить добро и улыбаться, если будет кому.

Дворников у подъезда нет. Слышно, как скребут и долбят что-то вдалеке.

В подъезде зато Элизабет. Прикрепляет что-то отверточкой к дверце почтового ящика своего. Даааа! Картина Репина: «Иван Грозный неожиданно встречает своего сына Ивана». Кто только из них Иван Грозный, хотелось бы знать? «Ох, отдам ей уже эти деньги, пусть откочерыжится от меня», – решает Саша. Личный покой ни за какие деньги не купишь. При этом какая-то часть ее сознания улавливает, что полифоническое горское пение полностью прекратилось. Значит, иностранка бомжей все-таки выгнала. «Живых людей на мороз», – занимается боль в Сашином солнечном сплетении. «Все равно надо отдать деньги и ходить спокойно по подъезду», – решительно приказывает часть мозга, которой предназначено отвечать за эмоциональный баланс.

– Ми будем телат фсем тапличка с фамилным имем на яшшык. Ви будете сакасывать? – спесиво выступает Элизабет с новой неожиданной инициативой.

Саша забывает о решении «не оспаривать глупца».

– Зачем нам здесь таблички? Чтоб воры целенаправленно по квартирам ходили: «Откройте, я к Ивановым из поликлиники лекарства бесплатные принес»? Надо же понимать

нашу специфику! – энергично и с болью вступает она в конверсацию.

– К нам идти приличный гости! – неожиданно чисто-чисто, голосом генеральской жены выдает Элизабет.

Вот точно так их соседка-генеральша выступала, когда маленькие Сашины дети возвращались с прогулки и оставляли мокрые следы у лифта. Тут же трезвонила в дверь: «Немедленно подотрите за своими! К нам ходят приличные люди!» Сейчас старенькая уже. Мужа давно похоронила. Взрослые Сашины ребята ей в магазин и в аптеку ходят, если та заболит. Притерлись. А тогда – прямо искры летели. А этой – что этой скажешь?

– К вам приличные гости ходят, а к нам неприличные, да? – вырывается вдруг из Сашиной груди наболевший в прошлом вопрос.

Элизабет начинает было провозглашать что-то разоблачительное, но Саша, махнув рукой, заходит в лифт, сочувственно захлопывающийся прямо перед носом ее оппонентки.

– Хрен ей деньги! – громко говорит Саша под хрип и скрежет адаптировавшейся к суровым условиям чужеземного быта и нравов немецкой машины.

Вечером приходит школьная подруга Алка. Ныне профессор. Суровая, требовательная и беспощадная к студентам. Автор целой горы учебников по какой-то экономической дисциплине. Видная, крупная, статная – расписная красави-

ца. Приходит в розовой норковой шубе и розовых меховых сапожках. В восторге от цвета подъезда: самое, оказывается, модное. Улучшает ауру через восприятие зрительного нерва. Вообще-то, похоже, улучшает! От шубки аура еще та! В Сашиной душе смятение – деньги-то не отдала! Пользуется цветом, ауру свою улучшает, как последняя халявщица. Надо все равно отдать. Смириться. Деньги отдать, но табличку не ставить! Ни за что!

Они быстро выпивают любимый обеими напиток: кампари пополам с грейпфрутовым соком. Пьется незаметно. Расслабляет мгновенно. Никаких негативных последствий.

Все то, что сейчас, будто и ненастоящее. Остаются девчонки, просидевшие десять лет за одной партой. Да! Тогда-то жизнь обещала! Тогда обещала! Ну и что? Разве обманула? Мало нам? Да нам надо уметь быть благодарными, наконец! Вот именно! Этого не хватает – уметь сказать «за все благодарю тебя, Жизнь!». Тут Саша вновь опоминается и пугается, что не отдала деньги Элизабет. Рука дающего ведь не оскудеет!

Она делится с подругой набежавшей мыслью. Та соглашается: «Деньги дай, а табличку – и не думай приделывать! Тут вам не Англия!»

Все внутренние и внешние проблемы легко снимаются путем взаимного обсуждения. Скоро на все становится совершенно плевать.

Потом подруге требуется покурить. Курят у них на лест-

ничной клетке. Они выходят, не заглядывая заранее в глазок, ни к чему не готовясь. Поднимаются на пролет выше, садятся на широкий подоконник у огромного окна. У каждой в руках по стакану с кампари. Обе румяные, глаза горят. Подруга затягивается.

– Петь пора, – говорит.

– Давай в квартире, вернемся и споем, – предлагает Саша.

– А чей-то нам здесь не спеть, мы ж не матерное! – заводится подруга.

Все! Включилась генетика! Голос крови требует, чтоб девушки на гуляньях водили хороводы и пели.

Начнем с пения.

– На тот большак, на перекресток, уже не надо больше мне спешить... – начинает подруга проникновенно, вполголоса. С самой заветной вступила!

Саша знает эту историю – как тяжело рождался Алкин сынок, как та старалась не кричать, как потом врач пришла в палату с вопросом, помнит ли она, что делала, рожая. «Помню – пела, – ответила подруга, – не помню репертуар». И врач напомнила, запев про большак и перекресток.

– Жить без любви, быть может, просто, – льется задушевный женский дуэт...

В это время на Сашином этаже останавливается лифт, мужик в странной шапке с козырьком сбоку, сильно качаясь, идет к ее двери, гремит ключами.

«Вор? – дивится Саша. – А у меня и дверь-то не заперта!»

– К нам вроде вор прется, – меланхолически-напевно замечает Алка.

Вор совсем не таится, ударяет локтем по Сашиной двери и вопит:

– Бля! Элисбет! Открой дверь, нах! Опен зе дор, еп-тать!

В общем, козел кричал нечеловеческим голосом...

– Слышь, мужик! – суровеет подруга, в которой мгновенно просыпается профессор экономики. – Не трожь чужую дверь, а то за «нах» и «бля» отвечать придется! Там приличные люди живут!

Саша боковым зрением видит, что дверь сверху открылась, в проеме стоит встревоженная Элизабет.

– Там ваш муж, – зовет ее Саша, – этажом ошибся.

У яростного противника русской жизни уже нет сил на то, чтобы самостоятельно подняться этажом выше. Как всегда, он ждет помощи Запада. Помощь незамедлительно приходит. Элизабет подставляет свое маленькое, но очень надежное плечо.

– Сильно пьющий, – философски изрекает подруга, хлебнув кампари, – у меня глаз наметан. Я с таким, как этот, два месяца жила, потом выгнала.

– Нах! – добавляет Саша.

– На тот большак, на пере-кресток уже не на-до больше мне спешить, – со слезой в голосе делает вторую попытку подруга.

Снова выглядывает Элизабет.

– Пожалуйста, извините моево мужа! – старательно выговаривает она дрожащим голосом.

– Нервы у бабы сдают, я ж говорю, – ставит диагноз подруга.

– И вы меня извините, Элизабет, пойдемте, я деньги вам отдам за ремонт, – утешает Саша.

– Выпьем, закусим, – затягивается напоследок певунья-профессор.

Через час Элизабет уже совершенно по-русски, с пониманием может произнести «Хорошо сидим», а также без труда выводит своим чистым голоском: «Я б никогда не полюбила, но как на свете без любви прожить!»

График

Интересно, течение человеческой жизни построено по какому-то определенному закону или события высказывают по случаю, без всякого смысла?

Вот, например, проснулся вулкан Эйящаскакдамль и забил в хляби небесные огнем и пеплом. Ну, бывает. И пусть себе извергается.

Тем более никто не пострадал, как когда-то в Помпеях или Геркулануме. Там все случилось вполне в духе античной трагедии. Классическая архитектура, жители нарядные, в сандалях и туниках. Везувий величественный – главная достопримечательность. И вдруг как полыхнет! А потом раскаленные камни с неба, огненная лава, заполняющая улицы и дома. Не спрятаться, не скрыться.

И в чем был смысл?

От людей остались только силуэты в пластах пепла и никому больше не нужные здания и утварь. Так веками все и покоелось. Однако какой-то замысел тут таился. Иначе зачем через семнадцать веков принялись откапывать, допытываться, расчищать? Зачем ученые расписывают последний помпейский день по часам? Зачем эти толпы туристов, эти стихи и живописные полотна? Мало разве других впечатлений?

Может, это намек земных недр и неба на то, что человек слаб и бессмысленно тратит жизнь на накопление благ и

изобретение роскошеств? Чтобы люди через столетия увидели, что, собственно, от них остается, и принялись жить по-новому, ценя самое простое, что дается день ото дня?

Море, солнце, апельсины.

Где тут понять...

С нынешним вулканом тоже не все так просто. Но это обнаружится не сразу. Однако некоторые истории уже всплывают.

Вот, говорят, полетели молодожены в свадебное путешествие. Как расписались, так и отправились. Далеко-далеко. С пересадкой в Лондоне. А в Лондоне как раз все полеты и отменили из-за Эйящаскакдамля. Пришлось торчать в аэропорту, час от часу теряя надежду на медовость брачного отпуска.

Эйфория испарялась, напряжение, напротив, копилось.

И к концу вынужденного ожидания произошел разрыв супружеских отношений, так как всю досаду новобрачные изрыгали друг на друга, вдохновенно и упоенно отыскивая болевые точки соратника по «горю и радости». Естественно, из Лондона устремились не в «прекрасное далеко», а домой. И не дружной парой, а врагами навек. Причем у пары врагов ожидалось пополнение, бывшее на тот момент четырехнедельным скрюченным эмбрионом, о чем пока никто не догадывался.

Налицо влияние могучих сил природы на судьбу человека, которому еще только предстоит родиться.

Будущая мать настроена ни за что не показывать дитя ушедшей любви отцу-подлецу.

Будущий отец твердит в качестве утешения заклинание: «Все бабы – твари».

Ребенок обречен расти в неполной семье, с кучей вопросов о папе, маме, самом себе и смысле жизни, наконец.

А все вулкан!

Или как-то иначе, но проявилось бы все равно?

Нет, наверное, все-таки вулкан. Не выдержали, в общем, проверки судьбоносным огнем.

Про ход собственной жизни Саша давно поняла: у нее все идет вверх-вниз. Иногда незаметный, иной раз очень трудный подъем вверх, через преодоления, мрак и тяжесть, далее – радость покоренной вершины, а потом спуск, когда легкий и почти неощутимый, когда головокружительный, как падение в пропасть. Хорошо то, что в пылу движения не отдаешь себе отчета, падаешь ли ты или карабкаешься ввысь. Ужасаться или радоваться получается только задним числом.

Самое главное – осознавать, когда наступил передых, чтобы насладиться им, не отвлекаясь на мелочи.

Скоро, совсем скоро вся предыдущая жизнь, полная взлетов и падений, будет казаться Саше безоблачным раем. Ей понадобятся все ее силы. И тогда память откроет спасительные роднички. Их живая вода поможет, в какую бы страшную сказку ни завела ее реальность.

Хармс как предчувствие

Саша никогда не просыпалась в ужасе. И даже просто в плохом настроении. Утро – ее лучшее время. Так было всегда, по крайней мере, с тех пор, как она себя помнила. Уныние могло приползти с приходом тьмы. Утренний свет всегда дарил любопытство, надежду, радость, ожидание какого-то нового счастья.

Саша знала людей, встречавших начало дня в тоске и только к вечеру успокаивавшихся, смиравшихся с жизнью. Это было совсем другое устройство мировосприятия. Саше всегда было жалко вечерних людей. Страшно им жить, должно быть.

Невыносимо жутко.

В то летнее жаркое утро она проснулась слишком рано – в шесть. От толчка в сердце.

Все ее существо переполнял невыносимый животный страх. Неопишуемый и никогда ранее не испытанный.

Был и некий предвестник, зародышек этого отвратительного чувства. Он поселился в ее душе перед самым сном.

Почему-то она взяла почитать на ночь маленькую книжечку Хармса, и та сама собой открылась на совершенно неподходящей для успокоительного чтения страничке.

Там описывалась встреча какого-то Пронина с дамой по имени Ирина Мазер. Пронин хвалил чулки этой дамы, хва-

таясь за них рукой. Потом Ирина сказала, что чулки уже кончаются, а дальше идет голая нога. Пронин восхищался теперь уже не чулками, а ногой и целовал ее...

«Ирина сказала:

– Зачем вы поднимаете мою юбку еще выше? Я же вам сказала, что я без панталон.

Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:

– Ничего, ничего».

Однако вдруг свидание, сулившее скорое обоюдное счастье, прервал резкий звук. К ним заявили обычные в те времена гости: «человек в чОрном пОльто», военные с винтовками и дворник.

Человек в чОрном пОльто велел Ирине ехать с ними, не позволив даже надеть панталоны.

И Пронину тоже приказано было ехать.

Дверь комнаты заперли и запечатали печатями.

Вот, собственно, и весь рассказ. А что тут добавить?

Почему-то он, рассказик этот, никогда не попадался Саше на глаза прежде. А сейчас вдруг пронзил, ужаснул своим сугубым реализмом, абсурдностью правды и отсутствием обычной хармсовской «чуши» как основного принципа его творчества. Он же сам говорил: «Меня интересует только «чушь», только то, что не имеет никакого практического смысла».

Хотя – какой практический смысл в аресте Пронина и Ирины Мазер? Какой практический смысл в действиях че-

ловека в чОрном пОльто?

Такой ход был в те времена у механизма под названием жизнь. И Хармс просто запечатлел.

А Саше стало безотчетно страшно.

– Какое счастье, что мы живем не в то время, – трусливо порадовалась она. – Бедные люди. Бедный Хармс. Бедные все-все тогда. Хорошо, что сейчас не так. Как бы там ни было, а нам, кто потом родился, невероятно повезло.

Саша потушила свет и заснула.

Спал и знойный летний пышно-зеленый город Берлин за окнами.

В это самое время в Москве ее дети были в беде.

«Как только в раннем детстве спят...»

*Льет дождь. Я вижу сон: я взята
Обратно в ад, где все в комплоте,
И женицин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь, мне снится: из ребят
Я взята в науку к исполину,
И сплю под шум, месяций глину,
Как только в раннем детстве спят.*

Борис Пастернак

1. Ничья

Саша долго не знала, как, собственно, появилась на свет. Мнения людей, чьи имена записаны в ее метрике с гербами, серпами, колосьями и молотом над всем этим буйством, категорически не совпадали.

Изредка навещая дочку, папа с увлечением рассказывал: – Когда я захотел, чтобы у меня была девочка, я пошел в магазин. Специальный. Где детей продают.

Саша жаждала попасть в этот восхитительный магазин, она требовала пойти туда скорее, чтобы купить себе настоя-

щего ребеночка вместо надоевшей пластмассовой куклы.

Папа уклончиво объяснял, что в магазин этот пускают только взрослых, у кого есть паспорта и кто сам заработал деньги на приобретение и прокорм младенца.

Саша с сожалением понимала, что ничего не поделаешь, придется долго ждать. Папа достоверно излагал свою увлекательную версию:

– Так вот. Большой магазин. Пришел я в него. Там полно разных крохотных девочек... Я выбирал, выбирал, ни одна не понравилась.

– Один выбирал? Без никого? – допытывалась дочка.

– Совершенно один. Ведь я себе хотел доченьку. С зелеными глазками. Капризенькую. Сладенькую.

– А дальше? Дальше? – подгоняла Саша.

– Продавщица сжалилась, – улыбался отец, – и принесла самую лучшую девочку. Она в витрине в колыбельке спала. Именно такая, какую я искал. Кудрявенькая. Глазки открыла зелененькие и говорит: «Папа». Я сразу сказал: «Вот эта девочка – моя. Я ее покупаю». Мне цену называют, я смотрю, а у меня точно столько денежек в бумажнике и лежит. На пеленочки уже и не хватило. Я тебя в носовой платок завернул и домой понес.

– Так это я?

– А кто же?

– А мама где была?

– Мама? – спотыкался отец. – Ах да, мама... Она в гастро-

ном ходила тогда. За продуктами. И не видела, как я тебя принес.

– А когда увидела, обрадовалась?

– Что? Ну да... Да, да, конечно. Обрадовалась. Все обрадовались. И дедушка Иосиф, и бабушка Бетя, и тети все обрадовались. Вот, говорят, какую ты девочку купил красивую! Где только нашел!

Диалога с мамой не получалось. Саша и видела-то ее всего несколько раз в жизни. Вдыхала чужой запах. Запах ее волос и тела. Запах одежды. Чужой, чужой, чужой. Саша не хотела его вдыхать в себя и отворачивалась, думая, что именно так пахнет предательство, и равнодушие, и нелюбовь к купленной без ведома матери девочке.

Красивая русская женщина с широкими скулами, зелеными глазами и толстой косой, уложенной на голове венком. Она рассказывала невероятные вещи и хотела, чтоб Саша поверила ее рассказу:

– Ты родилась двадцатого числа в восемь вечера. Акушерка удивлялась: двадцатого, в двадцать ноль-ноль.

– Ну и что? – скучала Саша.

– Нет, ничего, просто забавно, доченька. Совпадение, конечно. Нас в родовой палате было двое: я и еще одна женщина. Холодно было. Пол и стены кафельные. Пол серый и стены серые. Акушерка отошла, а женщина родила, и ее ребеночек упал из нее прямо на этот кафельный пол.

– Как это: из нее? – ужасалась девочка чудовищной небы-

лице. — Как это: упал? Что же она не берегла своего ребенка?

— Да как в этот момент... — пыталась объяснить мать, а потом спохватывалась: — Я сдерживалась из последнего, не рожала, пока акушерка не пришла. Чтоб ты у меня родилась красивая, здоровая... Чтоб у тебя все было хорошо.

— А папа мой где был? — добивалась Саша правды.

— Я не знаю. Дома, наверное. Дома ждал. Ты родилась хорошенькая, кудрявенькая. И все время кричала, кричала. Я так уставала! Бабушка Берта твоя в соседней комнате со своей астмой все кашляет, кашляет ночами. Или ты кричишь. Я жила, как в тумане. Ни одной ночи не спала.

— А любила ты меня? — задавала дочь самый главный вопрос человеческой жизни.

— Что я тогда понимала? До любви ли было, когда ни минуты покоя...

Саша рано, очень рано поняла, что при рождении попала в странный, чужой мир без любви, основанный на претерпевании жизни. В мир, где моментом не наслаждаются, а стремятся скорей пробежать его, крепко зажмутив глаза, чтобы не видеть ни серого кафеля вокруг, ни серых домов, ни серых кустов, ни кудрявенькой девочки, чья головка все поднимается в кровати, и маячит в серенькой зыбкости ночи, и не дает покоя.

2. «Половинка»

И еще она была «половинкой». Так называли детей нечистых кровей, таких человеческих дворняг, родившихся от представителей сильных пород, веками живших бок о бок во взаимном отторжении и притяжении. Дворняги – они живучие. Они самой природой приготовлены к испытаниям. Их можно и в ребра ткнуть ногой в сапоге, и обозвать по-всякому, они простят и поймут. И будут дарить любовь в ответ на тычки, догадываясь, что всё не со зла, и жалея обидчика.

Отец – еврей, мать – русская. Сколько раз в жизни придется ей повторять эту формулу своей крови! И сколько раз ощущать свою чужеродность и с той, и с другой стороны. Почему-то несчастные половинки обладали чем-то бо€льшим, чем чистокровные представители той или другой нации.

Им удавалось жалеть и тех, и других.

Саша бросалась заступаться за евреев, если в русской компании заводили неприятные разговоры об их ловкости, пронырливости и скупости. Она немедленно называла себя еврейкой и стыдила собравшихся, доказывая, сколько всего хорошего принесли человечеству евреи, и сокрушаясь о том, какой дорогой ценой заплатил ее бедный народ за необъяснимую ненависть к себе.

Среди евреев она, естественно, заявляла о своей русскости. Хотя фамилию она носила отцовскую, говорящую, ста-

ло быть, о древних и совсем не славянских корнях. Но как-то, в самом начале студенчества, когда ребята с ее курса собрались на Пасху в синагогу, ее с собой не взяли.

– Ты не наша, ты – половинка. И вообще: по отцу не считается, на Земле обетованной считается по матери, – так ей было отказано.

Значит, нечего было и лезть к Богом избранному народу со своей некошерной кровью.

Им и без нее было тошно.

В еврейских компаниях только и говорили об антисемитизме и необходимости отъезда из этой подлой страны любой ценой. Саша была поражена, когда в гостях у очень добрых к ней людей услышала от приятнейшей и умнейшей учительницы русского языка и литературы жесткий вывод:

– Сколько лет работаю на ниве просвещения и наконец поняла одно: русских вообще не надо ничему учить! Напрасный труд. Все равно сопыются или как-то иначе испохабят собственную жизнь.

– Да как же вы можете! – возмутилась тогда Саша. – Вас именно русский язык и кормит! Вас и ваших детей.

И тут же попала туда, откуда не возвращаются: в разряд антисемитов.

Да, в восьмидесятые годы отношения народов зашли, можно сказать, в тупик.

Что же было делать со всем этим?

Только продолжать защищать обе стороны. Только наде-

яться на будущее просветление. Только учить собственных детей всегда вступаться за слабых и никогда не быть на стороне гонителей.

Дух мщения, презрение к ближнему – это были грехи, противные любви.

Разве могут позволить себе великие народы презирать других?

Увы, позволяли.

Ибо часто попросту не ведали, что творят.

3. Последним лучше

Говорят, если что-то постоянно снится, это какой-то знак.

В пять лет ей приснился мальчик. Он был высокий и тонкий. Со светлыми волосами и ясным лицом. Он знал, что ее надо от чего-то защитить. И сказал: «Ничего не бойся, я спасу тебя». Она так поверила ему, что расслабилась и погрузилась в сон, как в реальность, и стала там жить совсем по-настоящему. Но недолго. Потому что грубый голос воспитательницы прокричал: «Подъем!»

Саша открыла глаза – мальчика рядом уже не было. Виталик с соседней кровати показывал ей язык. Наверное, уже давно, потому что лицо его совсем окаменело и язык свешивался, как у усталой собаки. Она накрыла голову подушкой, чтобы опять увидеть своего мальчика из сна, только он исчез насовсем. Во сне остался. Воспитательница, видя, что дети никак не очухаются от послеобеденного «тихого часа», принялась бодро подпугивать:

– А вот кто сейчас последний встанет, того не возьмем на прогулку!

Раньше Саша всегда верила этой угрозе и тут же вскакивала, чтобы быть первой, а брали все равно всех. Последним даже было лучше: им не приходилось одеваться самим, их одевала воспитательница или няня, и надо было только ноги переставлять, когда чулки натягивают или рейтузы, и руки

поднимать, чтобы легче было в рукава засунуть. Саша давно заметила, что последних вообще больше любят, чем первых: первым никогда не помогают – и сами справятся; первых никогда не пожалеют – им и так хорошо, они сами все могут. Если у первых что-то не получается, их укоряют с удивлением: «Как же это! Что же ты подводишь!» А последним всегда бросаются на помощь: «Что, опять носочек потеряла? Ах ты, Маша-растеряша!» Или: «Ну что, не получается у тебя? Дай-ка я тебе помогу! Вот умница какая. И все мы можем, оказывается!»

Никто не понимал, что первыми часто становятся не от силы, а от слабости, от страха. От страха сказать: «Не хочу! Не буду я этого делать! Мне не хочется! Мне не интересно!» От слабости перед чужой волей, которой нет сил противостоять и легче подчиниться и сделать все, как от тебя требуют, чтобы отвязались, оставили в покое.

Воспитательница подошла и отдернула подушку, а Виталька тут же наябедничал: «Она давно не спит, я видел».

Все были уже одеты и шли на полдник.

Ее в этот раз не взяли гулять со всеми. За бунт. Вот если бы она просто не проснулась вовремя или не успела одеться...

Ну и пусть.

Саше было хорошо в тишине. Няня в спальне застилала кровати и пела песню про пограничников, а она сидела и рисовала зеленые елки с коричневыми стволами. Их было

легко рисовать и думать о своем.

Девочка знала про себя, что внутри она совсем взрослая и грустная. Она старалась хотя бы снаружи быть маленькой, чтобы настоящие взрослые жалели и защищали ее, как всех маленьких. Ей очень не хватало отца и матери, которые были у всех детей вокруг. Родители ее поссорились (тогда она еще не знала слова «развелись»), а ее отдали тете. У тети умерла своя маленькая дочка, ей было много лет, другую она родить бы уже не смогла, но сумела уговорить глупых Сашиных родителей, которым из-за избытка шальных сил было не до их чудесной девочки, отдать ребенка ей, чтобы рос в покое, тишине, не зная раздоров.

Тетя много работала, чтобы у девочки было все: и шубка, и платица, и книжечки, и пианино. Поэтому девочке приходилось переживать время тетиной работы в детском саду. Но, оставаясь вместе, они, две сильные женщины – маленькая и старая, – изливали друг на друга всю накопившуюся за день любовь. Тетя мыла Сашины ножки и целовала каждый пальчик, поднимала к малышке свое нежное морщинистое лицо с заплаканными голубыми глазами и шептала:

– Доченька моя, сердечко мое!

Саша гладила ее большую голову, мягкие теплые волосы и отвечала:

– Миленькая моя Танюсенька.

Девочка уже почти не помнила мать, и тетя была ей самым дорогим человеком на свете, но внутренняя тайная взрос-

лость мешала ей называть единственного на всем белом свете любящего человека мамой. Она осознавала, что мать бывает только одна, какая ни есть, и не могла что-то переступить внутри себя, что-то предать в себе и сказать «мама» своей любимой Танюсеньке. Это причиняло ей боль, она чувствовала себя виноватой.

Тетя никогда не ругала Сашеньку, называла ее умницей и золотой головкой, любя и уважая ребенка просто за то, что он чудом достался ей. Поэтому и Саша привыкла себя уважать. По-настоящему, по-взрослому, всерьез. Она держала слово, если что-то обещала, старалась все делать правильно и честно. Но иногда... Иногда ей хотелось идти между родителями, держать за одну руку маму, а за другую папу, идти и виснуть на их руках, идти и противно канючить: «На ру-у-учки! На ру-у-учки!»

Как же ей хотелось быть папа-маминой дочкой по-настоящему, взаправдашней маленькой девочкой, надежно защищенной от глухого одиночества. Она мечтала перестать размышлять, что же она сделала не так, почему у всех есть такое счастье, а у нее нет. Она иногда боялась жить дальше, боялась, что ей одной не хватит сил, а ведь ей еще надо помогать своей жизнью тете. И тогда во сне приходил кто-то добрый, брал ее за руку и говорил: «Не бойся». И Саша верила, что когда-нибудь ее одиночество кончится.

4. Тайны собственной жизни

В детстве очень много тайн. Они касаются не окружающего мира, с которым ребенок плохо знаком и знание которого придет со временем, постепенно. Есть тайны, относящиеся к собственной жизни, к самому своему существу. Если в них не разобраться, они будут заставлять страдать и преследовать всю жизнь.

Было у Саши одно повторяющееся мучение, происходившее почти перед каждым пробуждением. Она ощущала, что вот-вот проснется, но не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Не могла открыть глаза и понимала: еще миг – она не сможет и вздохнуть. Тут, в этот крохотный промежуток между сном и явью, перед ней вставал выбор: не сопротивляться окаменению, не пытаться вдохнуть и пошевелиться или, преодолевая себя, стараться вдохнуть. В первом случае – Саша это точно знала, будто кто-то ей раньше объяснил, – она ушла бы в другой мир, а здесь, в этом мире, о ней думали бы, что она умерла. Тот мир являл собой покой. Там было не страшно, но привольно и хорошо. Однако она почему-то всегда выбирала второе.

Не инстинктивно, как сейчас бы сказала, а осознанно выбирала она жизнь здесь. Только чтобы остаться, необходимы были страшные, чудовищные волевые усилия. Она должна была заставить себя вдохнуть, попытаться позвать на по-

мощь — закричать. На самом деле кричать не получалось никогда, но как только удавалось выдавить из себя хотя бы стон, тут же открывались глаза, а потом получалось и пошевелиться. Каждый раз после этого возникало торжественное чувство преодоления. Она хвалила себя, вдыхала и выдыхала с наслаждением, а потом пугалась, что кошмар опять повторится... И это возвращалось и возвращалось, много утр, много лет.

И еще. Саше часто виделась темная, душная пещера. По ней можно только ползти. Головы не поднять, не вздохнуть полной грудью, назад не повернешь. Продираешься только вперед с панической мыслью: а что, если это никогда не кончится? Эти сновидения навязчиво повторялись и привели к тому, что в реальности она не могла без ужаса находиться в тесном, замкнутом пространстве, особенно там, где надо наклонять голову.

Сколько Саша себя помнила, столько и были с ней ее тайны. И все время она знала, что муки эти прекратятся, как только она поймет или вспомнит что-то очень важное.

5. Педагогическая находка

Однажды летом, на детсадовской даче, когда все играли кто во что хотел, Саша с подружкой маялись, не зная, чем заняться, и оказались на веранде для сна у стола воспитательницы. На столе стоял маленький флакончик с бледно-зелеными духами. Подружки отвинтили белую незамысловатую крышечку из пластмассы и понюхали: резко пахло ландышем.

– Вкусный запах, – сказала Саша, прикрыв от наслаждения глаза. Она немедленно представила себя сказочной принцессой в воздушном наряде среди цветов и музыки.

Однако в подружкиной голове эпитет «вкусный» пробудил не соответствующие назначению духов ассоциации.

– Давай попробуем, – восторженным шепотом предложила она.

Не успела Саша согласиться или отказаться, как любительница острых ощущений влила себе в рот полфлакончика (духи вылились удивительно легко) и молниеносно протянула оставшееся, мол, попробуй теперь ты. Саша из солидарности, но не без опаски, поэтому не таким широким жестом, а скупно и осторожно, капнула себе на язык чуточку такой приятной для обоняния, но оказавшейся противной на вкус жидкости. Подержала во рту. Посмотрела на подружку. Та с настойчивым требовательным ожиданием смотрела: «Что

же ты, давай, делай, как я».

Пришлось глотнуть.

Теперь можно было не притворяться. Глядя друг на друга, девочки одновременно произнесли:

– Гадость!

И тут же убежали с веранды, забыв закрыть злополучный флакончик.

После обеда воспитательница приказала всем построиться и с тяжелой злобой потребовала признаться, кто брал духи с ее стола.

Подружки признались одновременно. Они знали, что чужое брать нельзя, и сейчас не понимали, что это на них нашло тогда. Им было очень стыдно. Девочки тягучими головами просили прощения и обещали, что больше никогда не будут.

– Мы только попробовали, – с горючими слезами в голосе начала признаваться подружка.

– Глотнули, – не отставала от нее в стыдных признаниях Саша.

– Ах, вы даже глотнули? – переспросила воспитательница каким-то глубоким, торжественным, царским голосом. Так скорее всего вещала страшная Снежная королева. – Знайте же: кто проглотит хоть каплю духов, тот к вечеру умрет!

Довольная своей гениальной педагогической находкой и всем своим существом чувствуя, что монолог удался, воспитательница больше никак не наказала застывших от ужаса

грешниц и повела всех на тихий час, все еще сохраняя величественные королевские повадки.

Притихшая группа покорно семенила на веранду, опасливо обходя окаменевших, как громом пораженных, неудачливых дегустаторш парфюмерной продукции. Дети боялись заразиться от них смертью, неминуемой, как тихий час и крик «Подъем» после него.

Саша взяла подружку за руку, погладила ее по голове и тихонько шепнула:

– Не бойся, это не больно, я знаю.

Она вспомнила свои видения и поняла, как придет за ней смерть: как всегда, с удушьем и оцепенением, только сопротивляться ей уже будет не надо – нельзя.

Малышки, держась друг за друга, вошли в спальню и тихонько улеглись – они спали на соседних кроватках.

– Мне все равно страшно, – услышала Саша шелест.

– Закрой глазки и спи, – сказала она нежно, но по-взрослому, как убаюкивала ее тетя.

Потом немножко подождала и авторитетно добавила: «Все будет хорошо», ни на мгновение не сомневаясь в обратном.

Саша долго смотрела, как ее проказливая соучастница испуганно, покорно, обреченно изо всех сил зажмуривает глаза. Вот ушло напряжение, лицо расслабилось, но глаза так и остались закрытыми. Уснула.

Теперь можно было думать о себе: готовиться к смерти.

Самое несправедливое и нечестное заключалось в том, что придется оставить тетю. Что с ней, бедненькой, будет, когда она узнает? Но сегодня она еще не узнает, сегодня она еще целый вечер будет жить спокойно, храня в сердце свою большую и теплую любовь.

– Танюсенька, Танюсенька, не плачь обо мне, прости меня, – молила девочка.

Перед глазами поплыла, замелькала сине-красная сетка, и сквозь нее сначала смутно, а потом все четче и четче проступила тетина комната, письменный стол, настольная лампа под зеленым стеклянным колпаком. Тетя сидит, подперев голову, и читает какую-то старинную книгу, переворачивая время от времени ветхие страницы. Саша видит ясно черные буквы, но прочитывать ничего не может, хотя давно умеет читать. Девочка стремится взглянуть на любимое лицо и мысленно просит:

– Повернись, пожалуйста. Хочу посмотреть. В последний раз.

Тетя медленно, очень медленно поворачивается и смотрит сквозь девочку куда-то вдаль, глаза ее печальны, как всегда, когда она задумается, но взгляд ясен и спокоен.

Не выдержав напряжения, Саша моргнула, пошевелилась. Видение исчезло. Душу окутал покой.

Обнаружив себя живыми после тихого часа, подруги были обрадованы, удивлены и смущены. Больше всего, разуме-

ется, проявлялась радость. Смущались же они из жалости к воспитательнице: она ведь, бедная, не знала, что именно эти духи окажутся не ядовитыми, а теперь над ней все потихоньку будут смеяться, оттого что она так позорно ошиблась.

Но дальше их ждало открытие.

Оказывается, вовсе воспитательница и не ошиблась.

На прогулке после полдника она громким голосом, не таясь, рассказывала о происшествии нянечке и взхлеб хвасталась, как успешно ей удалось припугнуть нарушительниц.

– Так и сказала: кто выпил духи – умрет, – заливалась смехом изобретательная женщина.

– А им, глядь, хоть бы что, как об стенку горох, – неодобрительно косясь на живых-здоровых виновниц страшного преступления, поддакивала нянька.

Девочки пораженно переглянулись.

– Так это она врала, специально, – догадались обе одновременно.

Саша ощутила что-то очень жесткое и тяжелое под сердцем. Наверное, камнем сжалась ее душа. Души ведь к людям приходят из вечности, где нет возраста и времени. Они уже умеют болеть от стыда и гадливости перед своими и чужими проступками, даже если человек, в котором живет душа, еще мал и названия грехам дать не умеет.

Чтобы как-то избавиться от гранитного холода, Саша вполголоса внятно произнесла:

– Знаешь, по-моему, Лидия Ивановна – дура.

Это было самое плохое слово из всех, что она тогда знала. Услышав его как-то, Танюсенька шлепнула свою золотую девочку по губам и еще долго была сердита. Однако сейчас именно это слово должно было быть произнесено. Камень с души свалился.

Лидия Ивановна тем временем усаживала детей в кружок: наступало время чтения вслух. Воспитательница, очевидно, до сих пор была вдохновлена своей королевской речью и решила придерживаться столь эффективно выбранной днем тематики.

– Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, – торжественно и внятно объявила она, как ведущий цирковое представление.

Казалось, сейчас из-за ее спины покажется крепенький старичок в подпоясанной рубаше и с окладистой бородой и что-нибудь послушно продекламирует, как они это делали на утренниках.

После значительной паузы, видя, что писатель не хочет появляться, воспитательница так же громогласно и многозначительно произнесла:

– «Рассказы для детей».

Вновь слегка помедлив, она с наслаждением приступила к чтению рассказа про то, как папа недосчитался слив и пообещал своим детям, что съевший вместе со сливой косточку умрет. Бедный мальчик, сынок изобретательного папы, конечно, поверил и в смятении душевном объявил, что косточ-

ку не съел, но бросил в окошко.

Покончив с назидательным рассказом, воспитательница победно и выжидающе посмотрела на детей, и те, мгновенно поняв, что от них требуется, дружно рассмеялись.

Необыкновенно сблизившиеся за этот день девочки восприняли услышанное несколько иначе.

– Лев Толстой – тоже дурак, – с эпической мрачностью произнесла подружка, возвращаясь к прерванному чтением разговору о Лидии Ивановне.

– Нет! Он – злой, – уточнила справедливая Саша, боясь обидеть самым бранным словом великого русского писателя.

Но на этот раз подруга не сдала своих позиций и к высказанному ранее мнению упрямо добавила еще кое-что.

– Он детей своих не любит, – пророчески гудела она, сама того не ведая повторяя обвинения бедняжки Софьи Андреевны, супруги Льва Николаевича, которые она не раз бросала в суровое лицо почтенному классику во время тяжких семейных ссор.

А на следующее утро на дачу приехала Танюсенька с большой банкой клубники, присыпанной сахаром, чтобы ягоды лучше выдержали дорогу, огромным душистым яблоком и красочно оформленной книгой уже знакомого девочке и близко к сердцу принятого Льва Николаевича Толстого – «Рассказы для детей».

– Не надо, нам уже читали, – отодвинула от себя творение

титана мировой литературы Саша, поедая клубнику.

Тетя, счастливая, что ее все-таки пропустили на дачу в неродительский день, даже не удивилась необычному равнодушию своей девочки к печатной продукции, сунула книжку в сумку, продолжая рассказывать о причине неожиданного приезда:

– Сидела целый вечер в тоске и тревоге, все казалось, что ты меня зовешь...

«Значит, слышала», – совсем даже не удивлялась девочка и ближе жалась к своей дорогой, единственной.

Этот короткий жизненный эпизод стал важной вехой.

После него Саша знала, что и после смерти жизнь продолжается.

Серьезное потрясение (а оно было действительно серьезным) подсказало раз и навсегда: не верь чужим словам, пока сама не убедишься в их правдивости.

И самое главное: отныне она никогда не рассчитывала на милость и снисхождение тех, от кого так или иначе зависело ее земное существование.

Конечно, формулы пришли много позже, где там ребенку в пять лет создавать афоризмы. Но знание «не жди пощады и не верь чужому» было прочно заложено в фундамент ее представлений о мире именно благодаря мудрой воспитательнице Лидии Ивановне с ее чарующими духами.

6. Стой до конца!

– Не жди пощады, не верь чужому. Стой до конца! – этому она и детей своих учила.

К тому же бывает что-то, помимо слов. То, чему и учить не надо. Почему один человек из страха за себя готов подписаться под любой клеветой на невинного? А другой, вполне благополучный и изнеженный в обычной жизни, держится до конца, умирая мучительной смертью, но не идя на предательство? Разве этому научишь?

Сила духа – откуда она берется? Может, человек с этим уже приходит в мир?

Саша подозревала, что следы судьбы, знаки беды можно разглядеть заранее. Надо только уметь взглядеться и сделать вывод. Но иногда вглядываться совсем не хочется. Все равно ничего не предотвратить. И только задним числом вспомнишь и ужасаешься своей слепоте. Или – нежеланию видеть.

Почему она, Саша, в период своего настоящего, осознанного счастья, ничего не предчувствуя и ничего не боясь, пришла поутру в свою мастерскую и сделала эскиз в черно-серых тонах, так ей не свойственных? Неясные силуэты черных безликих фигур на фоне серого плачущего неба...

Краски сами распределялись, рука сама водила. Ей даже виделась в этом сюжете какая-то красота, тайна. Тянуло к нему.

И плотно создалось как по мановению волшебной палочки, в считанные дни.

Действительно — в считанные. Потому что дней до начала ее кошмара оставалось ровно два.

Почему она тогда не удивилась этой тьме? И даже тому, как странно быстро нашелся покупатель... Тоже весь в черном. Как вестник беды.

Тысяча швейцарских франков

1. Вот как довелось повстречаться!

Какие-то истории детства и юности совершенно стерлись памятью. Что-то осталось в виде рубцов или болевых точек. А некоторые эпизоды стали возвращаться по случаю, как неожиданное окончание рассказа, развязка.

Сейчас Саша занимается необычным делом. Она создает гобелены. Вручную. У нее получают и огромные полотна, уникальные, и небольшие, веселые, дышащие счастьем. Ее фантазия и мастерство вполне востребованы. Странно – пока растила детей, вынуждена была заниматься рутинной работой ради копеечного заработка, а время творчества наступило потом, когда все-все в жизни изменилось.

У Саши своя мастерская в Берлине. Зашел к ней как-то старый приятель, чех, живущий в Париже и зарабатывающий изготовлением деревянных скульптур для садов и парков богатых особ. Наведался не один, со своим знакомым, швейцарским банкиром. С виду сухой и бесстрастный, банкир подетски обрадовался ярким Сашиним творениям, ходил от одного гобелена к другому, улыбался, дотрагивался, гладил шерстяные ворсинки. Саша почувствовала родственную душу, захотела порадовать гостя, предложила полюбившуюся

картину в подарок. На память. Однако деликатный визитер наотрез отказался от такой безрассудной щедрости. Он отобрал несколько гобеленов для своего нового дома и заплатил за них сполна. Швейцарскими франками.

Оставшись одна, Саша с любопытством разглядывала диковинные бумажки. Швейцарские деньги и раньше восхищали ее своей разноцветностью: фиолетовые, оранжевые, желтые, как пейзажи и букеты на ее гобеленах. Может быть, поэтому так и потянулся к ее творчеству банкир?

На купюре достоинством в тысячу франков находилось изображение приятного седобородого старика с умными глазами. Таким, наверное, стал бы Антон Павлович Чехов, доживи он лет до семидесяти.

– Посмотреть хоть, кто такой, – решила Саша, заранее уверенная, что никого из великих швейцарцев она все равно не знает, поэтому имя породистого интеллигентного старца ей все равно ни о чем не скажет.

Она вооружилась лупой.

Август Форель, 1848–1931, – значилось на купюре.

Саша счастливо изумилась:

– Не может быть! Вот как довелось повстречаться!

И пришли воспоминания о жизни такой далекой, такой другой, что не верилось даже, что это она когда-то была бедной, страшно одинокой, наивной и при этом очень счастливой пятнадцатилетней девочкой, которая мечтала встретить свою любовь и все думала – какая она будет?

Она тогда была уже высокой и женственной, длинноногая, с красивой округлой грудью, к которой она никак не могла привыкнуть и которая мешала ей двигаться по-мальчишески резко, как раньше. Ей все снился и снился мальчик, высокий и тонкий. Он ничего не говорил во сне, брал ее за руку, а она склоняла голову к его плечу. Сердце ее падало и растворялось в нежности и любви. Она знала, что он существует, слышала запах его волос и биение его сердца. Проснувшись, она никогда не верила, что это только сон, все подгоняла время своей жизни: «Когда же? Когда?»

Наступала полоса ожидания.

Мир, окружавший Сашу в то время, виделся идеальным: жили они вдвоем с беззаветно любящей ее тетей, тепло их любви оставляло за дверями дома сложности окружающей жизни. Саша с подружкой грезил о будущем, в котором не предусматривалось и капельки пошлости или грязи. Они доверчиво впитывали в себя все, чему их учили в школе, к пятнадцати годам усвоили несколько важных истин: человек человеку друг, например. И еще, что главная их обязанность – учиться и совершенствоваться, чтобы приносить своим существованием пользу людям. Они очень старались совершенствоваться, купили даже книгу о гармонически развитой личности, проштудировали ее, после чего взялись шлифовать свой интеллект и характер, а также развивать всевозможные умения и навыки, как советовала мудрая книга.

Почти каждое воскресенье они бывали в консерватории:

гармонически развитой личности полагалось разбираться в классической музыке. Правда, иногда во время концертов они отвлекались от волшебного мира звуков и разглядывали сидящих в зале, внизу. Некоторые так заслушивались, что казались спящими, а может, и взаправду спали, и это безумно веселило подруг, готовых в то время хохотать по любому поводу. Консерваторский зал был полон почтительной внимательной тишиной, нарушаемой лишь стеснительным покашливанием публики; смеяться запрещалось категорически, и этот запрет только усиливал приступ смеха, как ни задерживай дыхание, как ни зажимай ладонями рот. Тут главное было – не смотреть друг на друга. Из зажатых ртов порой вырывалось подобие всхлипа или всхрюка, и тогда соседи долго и укоризненно рассматривали девочек, надеясь, очевидно, взглядами, как огнетушителями, загасить их веселье. Но если бы это помогало!

В одном из таких концертов участвовал старший брат подруги. Девочки зашли в артистическую, поздравить. Там Саша была представлена консерваторскому другу брата. Они обменялись телефонами, стали встречаться.

Саше чрезвычайно льстило это знакомство. Ей – пятнадцать, а ему – двадцать один, и он к тому же – студент консы.

Конечно, это не был мальчик из сна и вообще не ее человек, но она была так горда, что он обратил внимание именно на нее. Ясное дело, девчонки из класса просто лопались от зависти, когда видели, что он встречает ее после уроков.

К счастью, встречи эти не мешали развитию Сашиной гармонической личности, так как студент вынужден был каждый день по многу часов проводить за инструментом, чтобы его пианистическое мастерство укреплялось изо дня в день.

Зато в дни встреч он вел себя чрезвычайно активно, даже назойливо: чуть ли не на третьем свидании заявил, что любит и что они поженятся, когда он закончит консерваторию. Он был в себе как-то очень лихо уверен и о Сашиних планах не спрашивал. Она ждала и наблюдала. Не говорила «нет» — на всякий случай: а вдруг никто никогда больше не предложит ей выйти замуж и она останется старой девой, вот ужасно! Но она не говорила и «да».

Молодой человек брал ее за руку, обнимал за плечи, и ничего похожего на тот сон с мальчиком. Неужели не во сне всегда так?

Однажды он позвал ее на студенческую вечеринку. Была зима. Шел снег. Саша пришла потрясающе нарядная: в узком коротком черном платье с тонким белым кружевным воротничком. Она распустила свои пышные волосы и вся сияла.

Присутствующие ахнули. Молодой человек загордился. Он прыгнул за рояль и бурно заиграл Грига. Саша стояла рядом и восхищалась, в первую очередь собой, потом тем, что именно для нее играют Грига, что ею любят окружающие. А еще тем, какой красивой, оказывается, может быть жизнь и как долго, бесконечно долго будет она еще вот такой молодой, красивой, восхитительной и как многие будут

в нее влюбляться и делать из-за этого прекрасные вещи: исполнять волшебную музыку, писать гениальные стихи, создавать бессмертные живописные полотна. Да мало ли на что всех влюбленных в нее подвигнет чувство к такому дивному созданию?

После бурных аплодисментов молодой человек взял Сашу за руку и повел в соседнюю комнату. Он закрыл за ними дверь.

Саша встала спиной к стене у окна. Падал снег, и раскачивался на ветру фонарь – блоковский пейзаж.

Девочка знала, что сейчас произойдет. Наверняка он поцелует ее. Саше не терпелось узнать, в чем же чудо поцелуев, если в книгах об этом пишут: «Он заключил ее в объятия, их поцелуй, казалось, длился вечно, она почти лишилась чувств от неземного блаженства...»

Итак, он заключил ее в объятия и жадно впился в губы, почти укусил. Саша на всякий случай чуть-чуть уперлась локтями в его грудь, чтобы легче было оттолкнуть в случае чего. Он прижал ее к себе еще сильнее, так, что она почувствовала все его тело и его язык у себя во рту. Она не лишилась чувств от райского блаженства. Чувства были при ней, а блаженства никакого не наступало.

Студент снова обнял ее и опять жадно поцеловал-укусил. Она чуть-чуть подвинулась, чтобы высвободиться, а он принялся настойчиво и пылко сопеть ей в ухо разные слова.

Саша ненавидела, когда ей шептали в ухо: ухо потом долго

горело и было красным, а у идеальной гармонической личности уши краснеть не должны. Поэтому девочке было не до того, что нашептывает ей молодой человек, она беспокоилась об ухе, покраснеет оно или нет.

Она окончательно высвободилась и села на узенький диванчик. Студент немедленно уселся рядом.

– Да? Ну, скажи, да? – спрашивал он игриво, будто разговаривал с котенком или щенком.

– Что – да? – откликнулась она, улыбаясь своим мыслям о красном ухе.

– Ты станешь моей? – настойчиво повторил он.

– Ну, вообще-то я ничья и чьей-то быть, слава Богу, не могу. Крепостное право отменили за сто лет до моего рождения, – резонно возразила начитанная Саша, прекрасно знавшая историю своей Родины в рамках школьной программы.

Молодой человек пока не вник в отрезвляющий юмор ее слов. Он все еще считал ее котенком, которого лаской можно научить тем фокусам, какие угодны хозяину.

– Ведь мы любим друг друга и потом поженимся, – искренне заглядывая в глаза, уговаривал он, – а сейчас ты станешь моей женщиной и увидишь, как это здорово.

– Да не стану я ничьей женщиной, – сказала Саша, вставая.

Этого она никак не ожидала. Для таких свершений она считала себя слишком маленькой, а кроме того, тетя не раз ей говорила, что, если молодой человек по-настоящему лю-

бит девушку, он вполне может подождать до свадьбы, ведь любовь не в том, чтоб схватить, насладиться и растоптать. Любовь терпелива. А если юноша ждать не может, то и свадьбы не будет.

Саша считала себя достаточно образованной в вопросах пола: не так давно, разбирая книги в их домашней библиотеке, она обнаружила толстенный фолиант 1907 года издания под внушительным названием: «Половой вопрос. Естественно-исторический, психологический и социологический этюд, предназначенный для образованных читателей». Имя автора – Август Форель, швейцарский профессор, ни о чем не говорило, но профессорам, да еще таким древним, как этот, Саша верила беспрекословно.

С замиранием сердца предчувствуя, что сейчас она отдернет завесу тайны, о которой они иногда говорили с девчонками, но полностью осознать которую или поверить в реальность некоторых предположений не могли, девочка позвонила подружке и предложила поделиться абсолютно достоверной информацией (наконец-то) путем чтения ключевых мест «Полового вопроса».

В старинной книге, с ятями и твердыми знаками на концах слов, сухим, научным, но при этом весьма образным языком давно прошедшего времени говорилось буквально обо всем, как оно есть. Больше всего подруг поразило описание любви мужчины и женщины, омерзительно называвшееся «половой акт». Рассказывалось об этом следующим образом:

«По наступленіи соотвѣтственнаго душевнаго и чувственнаго возбужденія въ мужчине и минованіи возможнаго со стороны женщины сопротивленія мужчина вводитъ свой эрегированный членъ въ женское влагалище...»

Почти ничего не поняв, но ужасаясь обнаженной правде повествованія, Саша все же выделила самые, на ее взгляд, достоверные слова о возможном со стороны женщины сопротивлении.

Да! Да! Она предчувствовала, что сопротивляться *этому* необходимо, что именно женская нерешительность и сопротивление – одна из необходимых составляющих процесса любви. Профессор роковым образом подтвердил ее смутные подозрения и надолго определил поведение девочки в определенных ситуациях. Можно сказать, этой, по нынешним временам, пожалуй, чуть наивной для ученого фразой исследователь полового вопроса Август Форель спас Сашу от многих глупых случайностей, за что впоследствии, повзрослев, она была ему особенно благодарна.

Было в этюде швейцарскаго доктора медицины, философии и права еще одно предупрежденіе, как бы предписывающее девочке не очень-то обольщаться предвкушеніями райских блаженств любви:

«Замѣчательно психологическое дѣйствіе контраста, наступающее послѣ совокупленія подѣ влияніем старыхъ инстинктивныхъ нервныхъ автоматизмовъ. Въ

начале полового влеченія обонятельныя ощущенія, прикосновенія, движенія, взоры — словом, все, имѣющее отношеніе къ другому полу, дѣйствуетъ въ высшей степени привлекающимъ и возбуждающимъ образомъ, въ смыслѣ сладострастного экстаза, который подавляетъ все остальное и заставляетъ видѣть въ данной минутѣ чуть ли не конечную цѣль всей жизни. Очень скоро по совершеніи полового акта все это исчезаетъ и разлетается какъ сонъ. То, что за минуту казалось предметомъ величайшаго вожденія, теперь становится не только безразличнымъ и утомительнымъ, но даже вызываетъ чувство легкаго отвращенія».

Вот уж что никак не входило в Сашины планы, так это вызывать у кого-то чувство отвращения, пусть даже легкого. Одного «полового влеченія» явно слишком мало, чтобы считать это любовью, додумалась она. Основная трудность заключалась в том, как отличить «влеченіе» от подлинной любви на начальном этапе, когда видишь в данной минуте «чуть ли не конечную цель всей жизни».

Однако, как бы это ни было трудно, в случае со студентом сомнений не вызывало: любви не было, как, увы, не наблюдалось даже обещанного Форелем сладострастного экстаза, который представлялся Саше не менее заманчивым и таинственным, чем сама *истинная* любовь.

Во всем этом присутствовал еще один серьезный, прямо-таки панически пугающий момент. На одной из страниц исследования автором приводилась схема, на которой весь-

ма наглядно изображалось стремительное движение хвостатого сперматозоида к яйцеклетке, неизбежно происходившее в результате предшествующих, столь красочно описанных ранее действий. Так вот: при неминуемой встрече сперматозоида с яйцеклеткой наступала беременность, а это – самый кошмар и ужас.

– Ты знаешь, что от *этого* бывают дети, а мне еще в школе учиться и учиться, а потом в институт поступать, – объяснила Саша студенту, как маленькому несмышленишу.

Тот взглянул на нее ошеломленно, как бы удивляясь, что плюшевый мишка заговорил человеческим голосом.

Он как-то сразу оставил свои намерения и грустно наблюдал, как Саша в прихожей натягивает сапоги.

Потом они шли под снегом, в тишине, и девочка готова была его полюбить, но не сразу и без угрозы, что они будут делать *это*.

Ей нужно было время и покой.

Студент все время нарушал мягкую снежную тишину и говорил, говорил:

– Пойми, я слишком тебя люблю, чтобы ждать. Я так долго не выдержу. И потом: женщина – это звучит гордо!

– Девушка – тоже звучит гордо, – механически возразила Саша, ужасаясь пошлости диалога.

2. Незнакомец

Дома она встала под душ и оцепенела надолго под струями теплой воды.

Тетя забеспокоилась и постучала в дверь:

– Эй, ты там живая?

Саша вяло откликнулась. Именно в этот момент ее осенило жуткое подозрение: а что, если она не все поняла у этого Фореля (там было, кстати, много непонятных слов, недаром этюд предназначался образованным читателям). Так вот: что, если у нее может получиться ребенок уже от этих поцелуев, ведь этот сладострастный кретин так тесно к ней прижимался, что сперматозоиды вполне успели бы переползти на нее. Их же миллионы – так писал Форель. И если хотя бы один нашел верную дорогу...

Сашу охватила паника. Подтвердить или опровергнуть ее леденящую кровь догадку не мог никто: подружки отличались не меньшей темнотой в таких делах, а тетя...

В принципе ей можно было сказать все, но Саша хорошо помнила, как ее милая добрая тетечка стеснялась и маялась, решившись наконец поговорить со своей малышкой о неизбежном регулярном неудобстве в жизни каждой женщины. Об этом всем девчонкам в классе все было давно известно: и отчего, и почему, и как это противно, но никуда не денешься, и даже что кончится вся эта тягомотина после

пятидесяти лет (скорее бы дожить). Тетя объясняла застенчиво, с трудом подбирая слова; Саша слушала, не прерывая, боясь смутить ее еще больше своим неожиданным знанием.

Так что в данной ситуации советчиков не было. Надо было ждать и смотреть, что будет. Саша внутри вся застыла и жила как сомнамбула. Потом она заметит, что в самые страшные периоды своей жизни ее организм всегда будет реагировать именно так: цепенеть. Из-за этого окружающие составят о ней превратное мнение, принимая за человека слишком спокойного, бесстрастного.

На самом деле застывать гораздо хуже, чем реветь во весь голос. Во-первых, с ревом горе очень быстро улетучивается, тогда как в замороженном состоянии сохраняется долго, не теряя своей свежести, вкуса и запаха; во-вторых, ревуший оповещает о своей беде громким звуком, так что все бросаются его жалеть и утешать, а застывший человек с виду выглядит еще лучше, чем обычно, вот и спрос с него другой, не то что с раздрызганной ревы.

Недаром говорят, что в большом знании заключена великая скорбь. Или, проще, – меньше знаешь, лучше спишь. Не попалась бы Саше умная книга, не пришлось бы переживать из-за вполне невинного поцелуя.

Через два дня ей показалось, что у нее уже начал расти живот. Почему-то единственным спасением, приносившим временное успокоение, стал душ. Она забиралась в ванну, держала над собой шланг и застывала в позе культовой гип-

совой статуи «Девушка с веслом» или «Девушка со снопом».

Чтобы окончательно смыть с себя все происшедшее, Саша решила постирать свое нарядное платье. Аккуратно развесив еще недавно так радовавший, а теперь казавшийся траурным наряд, она стала намыливать детским мылом нежный кружевной воротничок, и тут зазвонил телефон.

Кто-то незнакомым мужским голосом назвал ее имя. Сейчас, много лет спустя, она сказала бы о голосе «юношеский», но в те времена даже только что сломавшийся петушиный полудетский голосишко признавался ими «мужским голосом».

Завязался пустой, но чрезвычайно волнующий треп, во время которого Саша все пыталась выяснить имя собеседника и откуда у него ее номер телефона. На эти ее настойчивые вопросы он так и не ответил, поклялся только, что он не из ее школы, никогда ее, Сашу, не видел, но тоже учится в девятом классе, как и она. Наконец незнакомец предложил:

– Давай мы никогда не увидимся, будем общаться только по телефону. Я буду тебе другом, как Горацио Гамлету.

– То есть за тобой останется последнее слово, и ты с ним выступишь на моих похоронах... – подхватила Саша шекспировский сюжет.

– Ну да, ну да, зато тебе будет перед кем выступать с пространными монологами и делиться тем, что невыносимо выдержать одному... – продолжал искушать «мужской голос».

– Например, самым большим кошмаром: еженощным по-

явлением у изголовья моей девичьей кровати призрака клас-сручки в саване и с укоризненно раскрытым задачником по физике...

– Ох, прямо мороз по коже, к такому я не готов...

– Это еще что! Иногда она приводит с собой историчку, у той во лбу горит звезда, на шее – серп, а из головы торчит молот. Причем требует она от меня наизусть декламировать «Манифест коммунистической партии»!

– «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...» – торжественно вступил собеседник.

– Ха! А дальше?

– Дальше не могу. Священный трепет охватывает...

– Вот и у меня священный трепет, – вздохнула Саша и вдруг неожиданно для самой себя продолжила: – А где гарантия, что весь класс не будет потом потешаться над моими с тобой откровениями?

– Я никого из твоего класса не знаю. Честное слово. Можешь мне поверить.

Саша поверила.

Она была бесстрашна, когда дело касалось человеческого общения. Ей всегда нравилось нырять в ситуацию с головой и не умозрительно, а на деле испытать, что получится. Ее волновали сюжеты, как книжные, так и жизненные. Вот жизнь, видимо ценя истинного и смелого любителя острого сюжета, подбрасывала ей это добро щедрой рукой:

– Держи и расхлебывай, как умеешь!

Саша не принадлежала к тем дальновидным людям, любящим предварительно, с тщательностью шахматных игроков просчитать действия окружающих на сто ходов вперед. Ей нравилась инициатива партнера, неожиданность, пусть даже горькая. В непредсказуемых взаимоотношениях, в переплетениях судеб жизнь виделась настоящей: стервозной, коварной, ветреной, прекрасной – в общем, такой, о которой мечталось.

Решившись поверить в возможность дружбы с незнакомцем, Саша, со все еще зажатым в кулаке мокрым кружевом, спросила о самом для нее сейчас важном:

– Слушай, Гораций, – она, конечно, знала, что в «Гамлете» был Горацио, но Гораций звучало менее театрально, – слушай, ты не смейся и не удивляйся. И если не знаешь, не отвечай. Как ты думаешь, от поцелуя может получиться ребенок?

После короткой паузы новый друг твердо ответил:

– Нет.

– Даже от самого-самого настоящего?

– А больше ничего не было? Кроме поцелуев?

– Ты что? С ума сошел?

– Тогда еще раз повторяю: нет.

Саша почему-то сразу успокоилась. Она рассказала Горацию все-все: и про Грига, и про снег, и про фонарь, с его «бессмысленным и тусклым светом», и про то, на чем так настаивал влюбленный студент.

– И что мне теперь делать? – спросила она. – Я не хочу с ним расставаться, но и быть женщиной, хоть это звучит гордо, тоже не хочу.

– Поступай, как знаешь, но вот что я тебе скажу, – послышался чистый мальчишеский голос, – кобель он, твой музыкант. Так ему и скажи. Вот он тебе позвонит и если опять такое предложит, скажи ему: кобель ты. Это, мол, мой друг просил тебе передать.

– А если он обидится? – наивно поинтересовалась все еще не привыкшая к бранным словам девочка.

– Ну и черт с ним. Что ты, без него не проживешь?

«А ведь проживу, да еще как», – радостно подумала она, удивляясь, как легко ушли от нее горести, так долго точившие ее.

Попрощавшись и взглянув на часы, Саша удивилась тому, что общались они больше часа и что она вообще когда-то могла всерьез беспокоиться из-за таких пустяков, как поцелуи.

3. Другой сюжет

В то время как она страдала, трепеща от возможности появления у нее ребеночка от мифического сперматозоида-диверсанта, некоторые ее подруги попадали в истории гораздо более остросюжетные.

С той самой детсадовской подругой, с которой они готовились к смерти после дегустации духов, дружба продолжалась и в школе. Не самая тесная, так как учились они в параллельных классах. Зато жили в соседних подъездах. В школе из-за несовпадения расписания они общались мало, зато после занятий Ленка забегала почти каждый день: дома у нее маячили два брата, покоя от них не было никакого.

Зайдя в этот раз, лихо распушив перед зеркалом челку, гостью повернула и мрачно объявила:

– Ну, можешь меня поздравить: у меня юбилей!

– Какой юбилей? – удивилась Саша, прекрасно зная, что день рождения боевой подруги в марте, а сейчас декабрь.

– Сегодня ровно месяц, как я стала женщиной, – сообщила неисправимая искательница приключений.

– И молчала! Ну как? Как это было? Кто он?

История вкратце была такова. В каких-то гостях Ленка познакомилась с Александровичем, совсем взрослым, можно даже сказать, пожилым двадцативосьмилетним дядькой. Работал он в музее-квартире одного великого композитора, где

и назначил свидание юной овечке, абсолютно не подозревающей, что ее уже определили для заклания.

Счастливая от того, что ей, специально ей одной, покажут музей после его закрытия, дурища летела туда, пожираемая греховным огнем гордыни.

Надо заметить, что мама ее была женщиной строгой и в доме было заведено, что гулять чада имели право только до девяти вечера. Как уж карались нарушения режима, неизвестно, на чем держалась железная дисциплина, неведомо (явно не на родительских субботах: все трое ребят были веселые, независимые, внутренне свободные), только требование «В девять – домой!» соблюдалось неукоснительно и пересмотру не подлежало.

Ленка знала, что в ее распоряжении два часа, и была совершенно спокойна: от дома до музея десять минут черепашого хода, времени предостаточно.

В музее царила тишина: без посетителей он переставал быть музеем, возвращаясь к своему первоначальному назначению комфортного барского жилища. Просторная квартира, стильно обставленная дореволюционной мебелью, поражала воображение. Александрович водил очарованную гостью по комнатам, романтически приобняв ее за плечи, склоняя красивую породистую голову к поднятому навстречу восторженному юному личику. Ленка испытывала приятное волнение.

В конце экскурсии гид привел посетительницу в кабинет,

усадила на огромный кожаный диван, размером не меньше стоящего тут же рояля. Начались поцелуи.

Через какое-то время Александрович расстегнул все пуговички на ее платье и почти его снял. Тут большие часы с маятником зашипели, засипели и ухнули один раз. Ленка глянула и ахнула: полдевятого! Она вскочила с дивана и, пытаясь натянуть платье, объяснила:

– Надо бежать, мне позже девяти нельзя!

– Если сейчас начнем, к девяти успеешь, – услышала она хладнокровный ответ.

Очумевшая Ленка пометалась, поупрашивала, но на все мольбы слышала только:

– Зря время тратишь, давно бы уже освободилась.

И действительно успела. Не нарушила железную семейную дисциплину. Мама ни о чем не догадалась.

Больше всего удивило Сашу, что Ленка уступила. Саша бы на ее месте, если бы ее стали принуждать, дралась бы, кусалась, царапалась, сопротивлялась всеми способами. Подруга же продолжала теперь почти ежедневно встречаться с Александровичем в его поганом доме-музее.

Знал бы гордый великий композитор, надеявшийся своими творениями осуществить прорыв всего человечества в новую реальность, как будет использоваться его письменный стол, рояль и прочие предметы обстановки! Впрочем, не исключено, что это не вызвало бы у него бурных протестов. Уж слишком специфический дух витал темными ноябрьскими

вечерами в этом доме.

– Ты что, его теперь полюбила? – предположила Саша.

– Еще чего! Просто раз уж так случилось, я хочу всему от него научиться.

– Не боишься, что ребенок будет?

– Он сказал, что это его забота, ему тоже проблемы не нужны.

Вот так – буднично и просто. Саша понимала, что это не для нее, что она подождет своего одного-единственного.

Она еще ничего не знала о своей судьбе, никак не представляла свое будущее. Зато многое знала о самой себе: что она может и чего не сможет никогда.

Она убедилась на опыте, что может заставить другого человека думать о ней. Достаточно было широко раскрыть глаза, напрячь зрение, увидеть раскаленную сине-красную сетку и сквозь нее того, о ком думаешь. Ей казалось, что так можно было даже узнать, что делает сейчас этот человек, и попросить его о чем-то. Тот, кого она так звала, появлялся обязательно.

Только часто пользоваться этим умением Саша не могла: очень страдали глаза, болели и плохо видели.

Саша мечтала увидеть весь мир, весь белый свет, а иначе зачем она родилась тут? Вся планета казалась ей домом, все люди, самые разные, вызывали жгучий интерес и манили своей непохожестью.

А пока... Шел обычный школьный год. Приближались

зимние каникулы. После уроков Саша с подружкой, выйдя из школы, привязывали к своим портфелям веревочки и тащили их за собой по снегу. Те послушно и легко катились.

Неподалеку торговали горячими пирожками с капустой. Девочки набирали целый пакет. Ели на морозе и болтали обо всем на свете: о книгах, о будущем, о превратностях любви, о телефонной болтовне с Горацием, ставшей такой привычной и необходимой.

Портфели напоминали о себе, погромыхивая на снежных ухабах. Жизнь представлялась прекрасной: такая долгая-долгая, и столько в ней интересного.

Уже неудобно было валяться в снегу, как они делали всего лишь год назад, прошлой зимой, но еще не стеснялись они тянуть за веревочку набитые книгами портфели и болтать с полным ртом и, разбежавшись, скользить по ледяной дорожке. Далеко-далеко. Быстро-быстро.

Дух захватывало...

4. Едва различимые тени любви

Летом тетя отправилась в Звенигород, в санаторий, и взяла с собой Сашу.

Саше не хотелось ехать с тетей. Возраст диктовал свое: каждое тетино слово раздражало и вызывало протест, который едва удавалось сдерживать. Но о том, чтобы ребенок остался один в Москве, и речи идти не могло.

Ровесников оказалось к удивлению много. И самое главное: там был тот, о ком Саша мечтала в своих снах. То, что этот – тот самый, стало понятно с первого взгляда. Сейчас говорят о том, что любовь – это химическая реакция, ничего больше. Врут. Она увидела его издалека. Даже не разглядела, а в сердце ударило: он.

Их познакомили:

– Леня.

– Саша.

– Очень приятно.

И ничего больше. Разговаривать не получалось: язык присыхал к небу. Только смотрели друг на друга, не отрывая глаз.

Саша даже не думала о взаимности, о «развитии отношений». Зачем? Он был рядом. Больше не требовалось ничего. Время остановилось. Ей не приходило в голову, что они разъедутся по разным городам, что, возможно, больше не

встретятся.

Вот оно, неомрачаемое счастье первой встречи. Такое бывает только один раз в жизни, и до этого надо дожить, не разменивая душу на мелкие влюбленности.

В получасе пешего хода от санатория располагался университетский студенческий лагерь. Каждый вечер туда отправлялись на танцы многочисленной компанией.

Саша очень любила танцевать. У нее здорово получалось. Леня не танцевал. Он смотрел. Она тоже не спускала с него глаз, даже если танец уносил ее совсем далеко. Среди десятков восхищенных глаз, обращенных к ней, она видела только его взгляд, говоривший так много, как невозможно выразить никакими самыми прекрасными словами.

Танцы заканчивались поздно. Возвращались лесом, в крошечной тьме. Балагурили, смеялись, поддерживали друг друга, чтоб не упасть, споткнувшись о выступающие из земли корни могучих деревьев.

Однажды они почему-то остались совсем одни. То ли о них забыли случайно, то ли компания решила, что пора им побыть наедине.

Они медленно шли по тропинке, приближаясь к лесу. Лес вздрагивал, шелестел, шумел, вскрикивал голосами ночных птиц. Дурманящие запахи спящих летних трав заставляли думать, что все происходящее – сон. Один из тех редких прекрасных снов, что приходили как утешение и обещание.

Они вошли в лес, едва касаясь друг друга плечами. Стои-

ло взяться за руки, как обычно, когда шли гурьбой, схватиться за чью-то руку, не разбирая чью, лишь бы удержаться на ногах в лесном мраке. Но это было совершенно невозможно.

Молчание их не тяготило. Тьма не пугала. С ними ничего не могло случиться, им не могли повредить ни коряги под ногами, ни колючие ветки.

Внезапно из темной чащи выплыло белое пятно.

Саша вздрогнула.

– Неужели привидение?

Белое нечто бесшумно приближалось к ним.

– Ничего не бойся, девочка. Я с тобой, – услышала она слова из заветного сна.

Они остановились, пережидая.

Совсем близко слышались торопливые шаги. Медсестра из санатория, в белом халате, спешила домой, в поселок за рощей.

От нее веяло ужасом неясного ощущения чьей-то жизни, затаившейся неподалеку. Она пробежала, так и не заметив их.

Теперь они стояли лицом к лицу, чувствуя дыхание друг друга.

Напряжение создалось невыносимое. Но и он, и она были этим напряжением парализованы. Они не были способны стать ближе ни на полшага.

Это было прекраснее любых поцелуев, любого слияния.

Напряжение и невозможность объятия. И чувство отсут-

ствия гравитации. Космическая невесомость.

Сколько они так простояли, заколдованные ночным лесом? То их время не измерялось секундами и минутами.

Вечность времени не знает.

Души, приходя из вечности, вынуждены подчиняться земной сиюминутности. Но посылаются некоторым отеческие подарки оттуда. Именно эти частички вечности и хранятся в воспоминаниях ощутивших ее всю оставшуюся жизнь.

Пусть это называется Первая Любовь. Пусть это не называется никак.

Несчастен тот, кто был лишен этого дара юности. Кто прозевал, или поторопился, или не дождался бесценного дара.

Этим двум – повезло.

Их неясные тени так и остались стоять недвижимо под сенью векового дерева. Навсегда.

А мальчик с девочкой вернулись, разошлись по своим комнатам, лежали без сна, думая друг о друге, об этой ночи, о счастье завтрашнего утра, когда снова можно будет смотреть друг на друга. Просто смотреть.

Они расстались, так и не переживя первого поцелуя, первого объятия.

Обменялись фотографиями. Писали друг другу письма. Почти каждый день. Ни слова о любви. Уроки, погода, музыка, неважные слова, буквы. Главное – листок бумаги, которого касался он. И ощущение невесомости, когда гладишь ладонью конверт с письмом.

5. Прощай, Гораций!

С Горацием общение продолжалось. Каждый день после уроков они болтали по телефону. Уговорились встретиться после вступительных экзаменов в вузы. Поначалу Сашу не тяготило, что он знает о ней все, а ей не называет даже своего имени и, кстати, номера телефона. Определителей номеров тогда ни у кого не было. Ей нравилось, что в основе их «встреч в эфире» покоилась тайна. Вот она открывает дверь квартиры, кидает на пол тяжеленный портфель, разувается, стаскивает надоевшую школьную форму, умывается, облачается в домашнее платье, и тут раздается звонок. Она уверена, что это он, главный ее друг.

– Привет!

– Привет!

И дальше – история всего школьного дня. Ее дня. О себе Гораций не говорит, даже на вопросы не отвечает. Уходит от них.

Постепенно, на второй год общения, когда она уже всерьез втянулась в эту странную дружбу, вопросы стали проявляться.

Конечно, это было несправедливо, что она ему доверялась, а он ей нет. Она потребовала ответной откровенности.

– После вступительных, – пообещал он.

Наконец вступительные остались позади. Для Саши они

стали расставанием с очередной иллюзией. Она подавала документы в университет, уверенная, что с ее отметками, победами на олимпиадах и, самое главное, знаниями все у нее получится. Пока сидела заполняла анкету в приемной комиссии, к ней подошла ассистентка, проглядывающая у всех аттестаты и другие бумаги и удостоверяющая, все ли правильно вписано в опросный лист. Вглядевшись в Сашину фамилию, работница приемной комиссии внимательно прочла все остальное, что приволокла с собой юная абитуриентка. Характеристика, грамоты, публикации в прессе, оценки...

– Ты – хорошая девочка, – вдруг зашептала она, не глядя на Сашу, но приблизившись вплотную. – Ты очень хорошая девочка. Послушай меня. Есть указание: с такими фамилиями – срезать на экзаменах. Любой ценой срезать. Они тебе поставят пару, и ты потеряешь год. Иди лучше в пед. Там не хуже. И нервы сэкономишь.

Саша не обиделась и не удивилась. Все эти моменты были ей уже вполне хорошо известны, понятны и приняты, как правила некоей игры в данное время и месте.

Она, не раздумывая, собрала все свои бумаги и вернулась домой.

Поплакала в одиночестве. Вернулась с работы тетя. Стали вместе решать, как быть. Ничего, кроме педа, не оставалось, если быть реалистами. Значит, решено.

– Но я не хочу быть учителем! Я никогда об этом не думала, мне даже мысль противна – учить кого-то.

– Ты, главное, поступи. Диплом получи. А там посмотришь. Твое останется при тебе. А что не твое – твоим не будет.

Саша послушалась, поступила легко и радовалась, что впервые в жизни может спокойно провести остаток лета.

Тут-то они с Горацием и встретились.

Столько времени провели в разговорах, привязались друг к дружке не на шутку, но привязанность-то их обоюдная возникла не к реальным личностям, а к образам, созданным фантазиями об идеальном партнере.

Первая Сашина мысль при встрече:

– Не тот! Не может быть, чтобы это был он.

Бесцветный, сутулый, волосы нечесанные...

Она сама была тогда хороша невероятно: тоненькая, высокая, пышноволосая, большеглазая. Она привыкла к восторженным взглядам, к мужскому вниманию.

Но и Гораций все это время общался не с ней. Он представлял себе миниатюрную, хрупкую, коротко стриженную брюнетку. Это ей он давал советы, ее предостерегал, оберегал, предупреждал.

Почти все время первой встречи ушло у них на то, чтобы заменить иллюзии реальностью.

И все же – первая их встреча была не первой радостью, а первым разочарованием в их последующем общении.

Он перестал быть Горацием. С этим пришлось покончить раз и навсегда. Теперь он стал Витькой Немчинкиным, сту-

дентом-первокурсником иняза, живущим в одной комнате большой коммуналки с разводящимися и вечно скандалящими родителями.

Откуда он взял ее номер телефона, как узнал ее имя, почему позвонил?

Все оказалось более чем просто и прозаично.

Он ходил к авторитетной репетиторше, задолго начав готовиться к вступительному сочинению, а та была – вот он, случай! – тетиной подругой. Они иногда вместе снимали дачу на лето. Там Саша дружила с Лариской, дочкой этой самой репетиторши. Интересная дружба: только летом на даче. Возвращаясь в город, они изредка созванивались, причем только по делам – если задача по физике или алгебре не выходила или реферат какой-то срочно требовался.

Так вот: ожидая очередного урока, Витька увидел в коридоре на телефонном столике записную книжку Лариски и быстро ее пролистал. Отметил Сашину фамилию, мгновенно запомнил очень легкий номер телефона – и все дела. А фамилией заинтересовался потому, что девичья фамилия его матери была очень схожа с Сашиной. То есть Витька тоже был полукровкой, но наоборот: отец русский, мать еврейка.

Казалось бы, какая разница? Но в нашем сумасшедшем мире разница была более чем существенной. Дело в том, что, с одной стороны, русский отец одаривал своего ребенка совершенно безопасной, не вызывающей ни малейшего вопроса, фамилией и отчеством, что значительно повышало

шансы вписаться в социум и сделать подобающую карьеру; с другой же стороны, такие замаскированные полукровки в Израиле, где национальность определяется по материнской крови, считались полноправными евреями. То есть – полные привилегии и тут, и там.

С подобным раскладом приходилось знакомиться смолоду. Где уж тут родиться богатырскому племени, если только и думаешь, как лучше вписаться в ситуацию и как развить собственную гибкость до невероятной степени!

Ах, зря все это было затеяно, зря! За что мучили и пригибали людей, искренне готовых жить во благо страны и по ее законам?

По тупой злобе, по недомыслию и темноте. А это плохие советчики, способные лишь разрушать, а не строить. Впрочем, разрушать и губить начали задолго до их появления на свет, мир им достался не цельный, так – руины загубленной бесами страны, выдававшие себя за построенный новый мир, в котором «кто был никем, тот стал всем».

Однако с исчезновением эфемерного Горация и появлением Витьки родилось большое недоумение.

Сам факт, что парень залез в чужой блокнот, не считая это чем-то позорным, вызывал глубокое смущение в Сашиной душе. Это очень сильно меняло и степень ее откровенности, и меру уважения к способному на подобное человеку.

И если б только один раз в один блокнот! Похоже, он делал

это постоянно. Подглядывание, выуживание каких-то частных сведений, похоже, было частью его природы. Он попросту не мог иначе.

Саше все время приходилось быть начеку. Как-то он залез в ее письменный стол и стащил тетрадь со стихами. Она писала их для себя, подчиняясь иногда особому ритму, возникшему внутри. Она прекрасно понимала, что это временное, от юности: «Я открыла, что сейчас Без стихов мне не прожить. Это важно, как дышать, Как в семнадцать лет любить...» Он унес тетрадь домой, изучил, а потом позвонил и устроил разбор произведений, нисколько не смущаясь собственным воровством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.